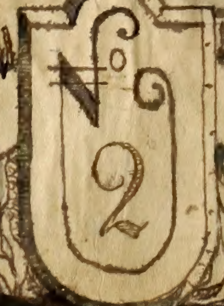
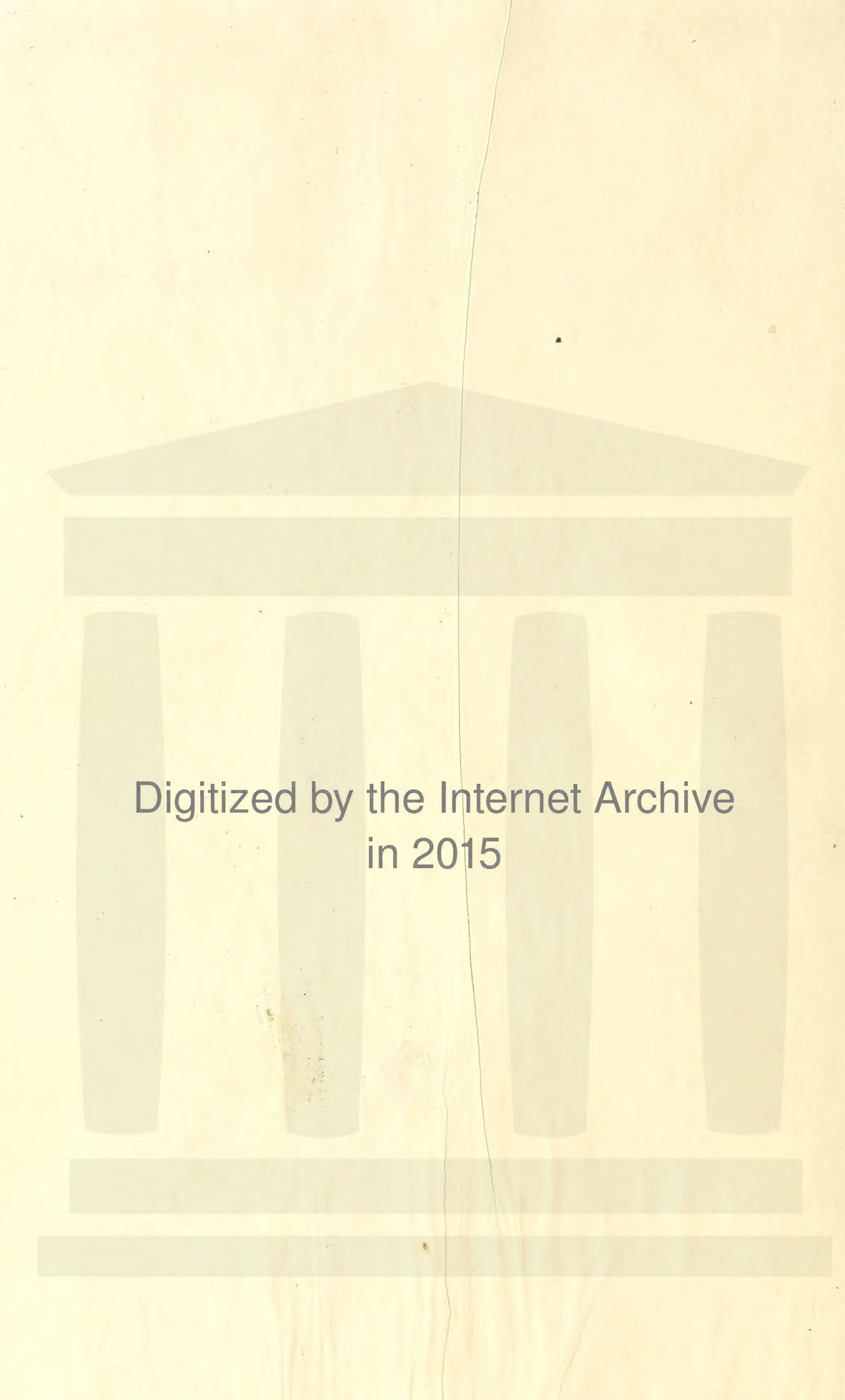
ИНВАЛИДЪ

Февраль 1922 года

г. Галлиполи.

„Кому повѣмъ печаль мою?..."

У поросшей травою дорожки
Одиноко могилка стоитъ;
На ней крестикъ изъ бѣлой березки
Да нетесанный камень лежитъ.
Нѣтъ вѣщающей краткой гравюры:
Кто, откуда, когда здѣсь зарытъ —
Просто слѣдъ отъ пронесшейся бури,
Такъ округа вамъ вся говоритъ.
Но не всѣми могилка забыта:
Видѣлъ я какъ старушка одна
Подходила къ ней, шалью покрыта,
Безысходной печали полна.
На колѣни она становилась,
Не сводила свой взоръ со креста,
Изъ глазъ жгучія слезы катились
И молитву шептали уста.
У бѣдняжки былъ свой сынъ когда-то,
Всѣ мечтанья вѣнчалися имъ;
Ей хотѣлось дожить небогато,
Только съ сыномъ любимымъ, роднымъ.
Не судилъ, видно, Богъ старушенкѣ
Видѣть сына на старости лѣтъ:
Пришлось рано лишиться сторонки,
Замело его бурею слѣдъ.
Гдѣ теперь онъ? Томится-ль въ изгнаньи,
Иль, быть-можетъ, въ тяжеломъ бою,
Онъ за счастье другихъ, безъ стенанья
Молодую отдалъ жизнь свою?
И гонимая вѣчной тоскою,
На чужую могилку идетъ,
Подѣлиться печалью съ Тобою,
Удалиться отъ бурь и заботъ.

Ванька Лѣшій.

Скажи мнѣ, милая, зачѣмъ со мной встрѣчаясь
Ты улыбаешся и смотришь на меня
И отчего сквозь смѣхъ, мгновенно загораясь,
Блеститъ порою взоръ, исполненный огня?
Скажи мнѣ, отчего, поймая твой взоръ невольно,
Блѣднѣю я въ лицѣ и въ сердцѣ бьется кровь
Такъ бьется, что ему и радостно и больно
Какъ будто для него весна вернулась вновь?
Игру любимыхъ глазъ, мгновенныя улыбки
Пойму-ль какъ вѣрный знакъ взлелѣянной мечты,
Вѣдь сердцу бѣдному такъ горестны ошибки
Скажи мнѣ, милая, смѣешся или любишь ты?.....

* * *

Равновѣсіе

..... Блѣдно.... Струется бѣлый свѣтъ... Какъ страшенъ онъ!... Гдѣ я? Стѣны.... Рѣшотки.... Чу! Шорохъ.

Вздрагивалъ слухъ размытого безумія.

Это она — призракъ воплощенный въ грезу, мечту сновидѣній. Я спрячусь.... Тише!...

Слышны шаги. Онъ съежился, затаивъ дыханіе, притворяясь спящимъ. Вошла. Дмитрій смотрѣлъ на нее, широко открывъ глаза. Безмолвно. Видъ спящаго заставилъ сестру уйти.

Ушла!... Онъ постепенно открылъ лицо, пытливо прислушиваясь къ малѣйшему шуму. Нѣтъ — блаженно произнесъ онъ. Боишся! Уходишь! Говорятъ, я сумашедшій. Ха, ха! А они — здоровы? Комики! Къ чорту! Къ дьяволу — первоисточнику всего святого!...

Кривлялся ликъ померкнутаго сознанія.

Смущаетесь невиннаго лица — божественнаго вида сатаны? Вотъ смыслъ бытія, нектара святости блюститель!...

Его взглядъ какъ-бы искалъ точки опоры, блуждая по стѣнамъ.

Безпредѣльное.... Безконечное.... И вдругъ равнодушіе... перевоплощеніе.... альфа и омега. Почему такъ странно переплетаются мысли? Вотъ! Вотъ! Отойди!... Нѣтъ! Нѣтъ! Я не боюсь тебя — проскрежеталъ онъ скрестивъ ноги подъ себя, качаясь въ тактъ своимъ мыслямъ.

Темнѣетъ. Шли сумерки, окрыленные тоской земли, обвѣваемые воспоминаніемъ прошедшаго. Блекло лицо Димы. Обрывки мыслей таяли, растворялись въ тонахъ темнѣющихъ тѣней. Яркій свѣтъ, вспыхнувшей электрической лампочки, ослѣпилъ Диму, приводя его въ неистовство.

„Я есмь свѣтъ, истина и жизнь!" — продекламировалъ безумный хохотъ, вздрагивая въ истеричномъ припадкѣ. Хохочи, хохочи — трепетали губы. Слезы размытого страданія земли, преждевременно срѣзанной жизни, оросили лицо несчастнаго. На стонъ ры-

данія, хохотъ бали пришла „она", опоясанная надеждой забвенія.

Истина! Истина! Богъ.... Всемірный космический садистъ, созидающій міры съ законами движенія планетъ, и... мы, мы, ничтожные, органическіе атомы человѣческаго я! Мы живемъ для великаго дѣтоубійцы, именуемаго Богомъ. Добро и зло необходимо ему для диссоціаціи жизни, для Его дыханія. Онъ сотрясаетса въ оргазмѣ слезъ, стенаній, находя похотливое наслажденіе въ страданіи людей.

Онъ прерывался, дрожали руки, широко открытые глаза то потухали, то горѣли огнемъ негодованія, свершеннаго преступленія.

Да! Постой-же! Постой! - крикнулъ онъ, понижая свой голосъ до шепота. Гдѣ-то.... у кого? Теодицея.... Оправданіе Бога по отношенію ко злу. Кто дерзаетъ? Онъ! Онъ - жалкій уродъ природы, сотворенный Имъ человѣкъ! Безсонныя - отражали углы рта, принявшіе искаженную улыбку. Онъ не боится суда присяжныхъ судей. Что мы? Бирюльки въ рукахъ Его! Доволенъ? Недурно! Весело! Пикантно смотрѣть на оргію міровъ, пляшущихъ канканъ мірового бытія, боясь статическаго равновѣсія. Мнѣ весело?! Я чувствую, что что-то давитъ мнѣ на голову. Ага! А-а.....-проскрипѣлъ онъ лязгая зубами, вытянувъ шею, хватая пальцами воздухъ. Смотрите! Хохочетъ онъ съ креста съ вѣнкомъ на головѣ, какъ клоунъ, распявшій самъ себя, какъ говорятъ, для очищенія людей. Глупецъ! Что грязно по природѣ, то обѣленію не подлежитъ. Ахъ, ты дурной! Для одурачиванія людей въ природѣ созданъ гименей въ трехъ лицахъ естества - предложена вамъ комбинація изъ трехъ пальцевъ. Ха-ха! Ритмъ нечленораздѣльныхъ звуковъ человѣческаго........

Хихикая и корчась отъ смѣха, онъ свѣсилъ ноги и болталъ ими, какъ-бы перегоняя набѣгавшія мысли. Онъ продолжалъ.

Что если отбросить добро и утонуть во злѣ и пить, пить въ истомѣ наслажденій души и тѣла? Проклятое добро. Какъ тѣнь среди лучей сопутствуетъ оно всѣмъ намъ. Чепуха-ха-ха!.... Законы совѣсти - утѣха для старухъ, одежда для грѣха, какъ неизвѣдомый родникъ въ пустынѣ опалимой, оазиса миражъ.

Ты думаешь, что, Ты, законъ? Бебешка! Ха-ха! Все это заплатки на тришкиномъ кафтанѣ присно-собляющагося зла. Брр.... -плюнулъ онъ. Тикъ тикъ!... ....Одинъ человѣкъ сказалъ..... Вотъ, вотъ! Поймалъ... Не уйдешь! Каналья! Есть-ли въ міросозданіи цѣлесообразность и примирима-ли она съ постоянной нелѣпостью природы? Что съ чѣмъ сравнивать? Все истекаетъ отъ центра-желудка -двигателя всего и вся. Жизнь есть авантюра... ....Міровые мошенники въ приливахъ и отливахъ настроеній вѣрятъ въ метафизику добра и добродѣтели, а она проституируетъ направо и налѣво. Недурная каналька, семнадцатой весною вкусившая запретнаго плода......

Намъ говорятъ: вѣрь, вѣрь — въ растлѣніи души и издѣвательствѣ надъ тѣломъ есть амплитуда колебанія добра и зла. Нѣтъ диссонанса жизни, а есть гармонія ея. Такъ вѣрь, вѣрь гласитъ круговоротъ сомнѣнья.

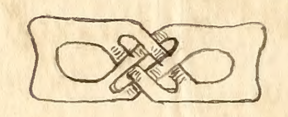
О.... что-то? Тс... тс.... Идетъ.... Надвигается..... У-у-у..... Налитые кровью глаза разверзлись бездной сокрушенья. Онъ рванулся. Хрипящіе отзвуки

искривили ужасающую маску человѣческаго лица.

Я, я убилъ-бы Тебя палача за нихъ и за себя такъ, чтобъ померкнула-бъ земля, угасло солнце, содрогнулась-бы Вселенная, бросивъ мишурный фиговый листокъ Божественнаго Рая, созданнаго профессiональными жрецами, попугами ума усѣлавшими найти оправданiе нелѣпости закона бытiя. Мы и марсiяне свободны отъ Тебя. Поверженъ Ты во прахъ: распятый Ты мiрами. Такъ смѣйся, хохочи въ безсилiи нѣмомъ! Нѣтъ жизни — есть смерть, свободная отъ рабства и отъ дыханiя земли. Мы гибнемъ, а съ нами нѣтъ страданiй, нѣтъ моря слезъ истерзанныхъ, измученныхъ людей. Все кончено. Итогъ подведенъ нами.....

Снова оргазмъ приступа поглотилъ его. Смолкъ шумъ. Безмолствовали тѣни. Холодные лучи струили свой безжизненный свѣтъ на лицо уснувшаго безумца. Сгорала жизнь въ болѣзненномъ сомнѣнiи — мучительно больны укоры совѣсти въ рѣшенiи природы. Онъ приподнялся. Силы оставляли его. Шла смерть. Въ открытое окно врывались порывы весенняго вѣтра, будящiе, сильные, какъ обновленная природа.

Гудятъ колокола — трепетали побѣлѣвшiя губы — гудятъ........

Сирота.

Я вышелъ въ поле. Весны дыханiемъ согрѣтъ, весь
Божiй мiръ вновь оживалъ.
Зелено-бархатные всходы, цвѣты по берегу ручья,
пѣснь жаворонка въ вышинѣ-
Все прославляло солнце, Бога. Такъ грустно,
грустно стало мнѣ:
Яснѣе вспомнилось былое и въ край родной
сильнѣе голосъ сердца звалъ.

Изгой.

Ураганъ.

Чувствовалось слабое дыханіе вѣтра. День клонился къ концу. Море было тихо, спокойно, величаво: звало, манило въ необозримую ширь, откуда невидно береговъ, не слышно человѣческой суеты — жалкой борьбы за существованіе, гдѣ голубое, ясное, съ ярко пылающимъ солнцемъ, небо или же глухая ночь, когда небо темное, только миріады огневыхъ глазъ глядятъ съ бездонной высоты и, отражаясь въ пучинѣ, образуютъ какъ-бы второй снизу небосводъ, а мѣсяцъ, этотъ нѣмой свидѣтель ночныхъ переживаній человѣка, бросаетъ вокругъ свой блѣдный, мягкій, фантастическій свѣтъ; — да онъ: то тихій, спокойный, какъ послушное дитя, то, какъ разъяренный звѣрь, пощады который не знаетъ, несокрушимо гордый и злой въ своемъ бѣшеномъ, дикомъ разгулѣ — красавецъ Каспій.

Тамъ, только тамъ отдыхаетъ душа и тѣло. Весь погружаешся въ созерцаніе и думы. Мысли, цѣпляясь одна за другую, образуютъ нѣчто цѣлое и длинной вереницей несутся въ безконечную даль.

Въ такія минуты хочется плакать о минувшемъ, безвозвратно утраченномъ, радоваться, плясать о настоящемъ, предугадать будущее. Хочется стать на колѣни и, воздѣвъ очи къ небу, воздать хвалу и благодареніе Невидимому за все гордое, могучее и дивно прекрасное. Только здѣсь все чисто, искренно и исходитъ изъ глубины сердца.

Пароходы одинъ за другимъ снимались съ якоря и, обгоняя другъ друга, широкой полосой, таща за собой баржи, двинулись на югъ.

Впереди полная неизвѣстность.

— Правда, что бакинцы насъ не приняли и будто-бы насъ берутъ подъ свое покровительство англичане — разговариваетъ молоденькая блондинка съ большими сѣрыми глазами. Длинныя рѣсни-

цы и дугообразныя тонкія брови, какъ-бы поволокой, окаймляютъ эти добрые глаза. На лицѣ отпечатокъ пережитого дня.

— Да-а.... Но не совсѣмъ и такъ — отвѣчаетъ пожилой полковникъ съ бритымъ лицомъ и холеными руками. — Съ татарами не успѣли сговориться: неохотно что-то они съ нами разговаривали и разговариваютъ и ходъ намъ въ Баку закрытъ. Теперь, естественно, осталася одна Персія, куда и всѣ сюда направились, а тамъ, какъ вамъ извѣстно, англичане.

— Это сравнительно лучше, чѣмъ попасть въ какое-то „кукурузное государство". Они, вѣдь, еще намъ помогаютъ?

— Гм.... Постольку-поскольку....

— Какъ это понимать?

— А вотъ — продолжалъ полковникъ — англичане-торгаши. Смотрятъ кто больше дастъ или изъ кого можно больше соковъ выжать. Пока дѣла наши были хороши, такъ и они чуть-ли не лучшими друзьями были, а пошли неудачи они и завиляли во всѣ стороны: мы и не мы.

— Но, вѣдь, это еще не доказано. Я думаю, что они, какъ джентельмены, не станутъ бросать слова на вѣтеръ.

— Дай Богъ! А впрочемъ и не долго осталось. Надѣюсь через денекъ, другой и познакомимся съ ними поближе — закончилъ онъ, такъ какъ къ нему подошелъ вѣстовой и доложилъ, что ихъ превосходительство просятъ немедленно придти.

Пароходы были перегружены до послѣднихъ предѣловъ. Могли только садиться на корточки, такъ какъ о другихъ приспособленіяхъ нечего было и помышлять. Чтобы очистить побольше мѣста, сбрасывались громоздкія вещи. Но и это мало помогало, т. к. на каждый освобожденный вершокъ палубы стремились десятки ногъ. Болѣе смѣлые, дабы расправить закоченѣвшие члены, взбирались по реямъ вверхъ. Но тутъ тоже невесело было: хоть не отдавливали ногъ, да не толкали въ бока, зато частенько попадало каблуками саногъ по затылку.

Первые дни у всѣхъ былъ маленькій запасъ

провіанта, а кто такового, по какой-либо причинѣ, не захватилъ, съ тѣмъ дѣлились остальные, не спрашивая ни его роду, ни племени.

День постепенно угасалъ; стали ощущаться порывы вѣтра. Горизонтъ охватило заревомъ пожара.

— Покачаетъ немножко! — замѣтилъ матросъ, подымавшійся на вахту.

— Сильно? — пытливо и вмѣстѣ съ тѣмъ пугливо, заглядывая въ глаза, спросилъ подростокъ.

— Небось думаешь какъ въ люлькѣ станетъ укачивать? Потерпи — увидишь — грубо оборвалъ его матросъ.

Кучка шинелей, тѣсные жмясь другъ къ другу, чтобы не проронить ни одного звука, жадно тянетъ головы вверхъ, желая увидѣть разговаривающихъ.

— Но-о! — протяжно несется изъ толпы — это все пустяки. У насъ есть орудія, да къ тому-же и военныя суда насъ охраняютъ.

— Хорошіе пустяки - пойти ко дну — отвѣчаетъ чей-то голосъ.

— Говорятъ, шесть подводныхъ лодокъ красныхъ вышли изъ Астрахани и хотятъ застичь насъ въ открытомъ морѣ.

— Нѣтъ десять! — прервалъ кто-то.

— И я слыхалъ про это. Мой баринъ-то одному священнику говорилъ — вмѣшался въ разговоръ вѣстовой командира эскадрона.

Цифры постепенно увеличивались и достигали чудовищныхъ размѣровъ. Казалось, подводныя лодки всего міра вышли противъ десятка-другого судовъ. У всѣхъ лица вытянулись: каждый представлялъ себѣ, какъ подводная лодка пуститъ мину и именно въ ихъ пароходъ и, какъ послѣдній быстро погружается въ воду со всѣми людьми, хватающимися за веревки, верхушки мачтъ, обломки, а лодка выплываетъ на верхъ и разстрѣливаетъ погибающихъ.

Матросы — тѣ не зѣвали: скупали за безцѣнокъ все что только возможно было, главнымъ образомъ оружіе. На что имъ послѣднее было — однѣ лишь догадки: краснымъ или татарамъ.

Подходили къ Энзели. Каждый съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда войдутъ въ портъ; на-

дѣясь на радушный пріемъ англичанъ, всякъ мечталъ, какъ скоро окончатся мытарства куда и можно будетъ отдохнуть.

Вдали отъ порта стали на рейдъ. Черезъ минуту-другую подъѣхалъ катеръ съ персами, англичанами и индусами. Отъ нихъ не удалось ничего вывѣдать т. к. по-русски никто не говорилъ, или-же нарочно не отвѣчали, отдѣлываясь жестикуляціей.

Охрана - индусы съ катера, съ любопытствомъ разсматривала русскихъ. Сдѣлавъ какую-то замѣтку въ записной книжкѣ, англичанинъ повернулъ катеръ къ другимъ судамъ. Нѣкоторые пароходы, разукрашенные флагами всевозможныхъ цвѣтовъ, только что подходили.

— Идите прямо въ Баку! - раздалось въ рупоръ.

У всѣхъ изумленіе: „Что такое? Почему почти обратно? Что случилось? Неужели татары принимаютъ?"

— На „Астрахани"!

— Есть!

— Въ чемъ дѣло?

— Не знаемъ!... - переговариваются рядомъ стоящія два судна.

Сумерки сгущались. Пароходы снимались съ якоря и направлялись обратно на сѣверъ.

Нѣтъ... принимали... условіемъ... сдать... оружіе... снять... проволоку... лагерь... бакинцы... принимаютъ... - сигнализировалъ одинъ изъ пароходовъ.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Появилась зыбь. Ночь быстро окутывала море. Суда начало покачивать. Ген сильнѣе стали колебаться. Засвистали верхушки мачтъ. Начинался ураганъ. Къ утру онъ достигъ своего апогея. Солнце померкло. Казалось, что вслѣдъ за утромъ, наступили глубокія сумерки. Волны, чуть-ли не правильными конусами, подымались на невѣроятную высоту, образуя глубокія пропасти. Вокругъ, какъ густой туманъ, стояла водяная пыль. Сосѣднихъ судовъ не стало видно и врядъ-ли человѣческій глазъ могъ-бы различить на разстояніи 150-200 саженей контуръ высокой горы. Пароходъ то подымало вверхъ, то бросало куда-то въ бездонную пропасть. Въ такія минуты, казалось, что наступилъ конецъ и секунда......

вода неудержимо ворвется въ трюмъ. Корпусъ судна трещалъ по всѣмъ швамъ. То подымало корму, то носовую часть, то какъ щенку отбрасывало въ сторону. Волна за волной, перекатываясь черезъ палубу, безпрестанно угощала ожившихся людей горько-соленымъ холоднымъ душемъ. Перила борта подъ напоромъ воды и разнаго груза рухнули и въ воду слетѣли различныя вещи.

— Ай, ай! — раздалось откуда-то изъ клокочущей пѣны.

Нѣсколько человѣкъ сорвало водой и унесло съ палубы. Сколько — никто не зналъ.

Баржу трепало неимовѣрно. Казалось, что тамъ не останется ни куска цѣлаго дерева.

Тамъ нѣсколько офицеровъ, солдатъ и команда баржи. Укачиваніе имъ стало не въ моготу. Нервы не выдержали.

— Поворачивай обратно въ Энзели! — кричатъ оттуда.

— Идемъ впередъ! Все равно! — отвѣчаютъ съ парохода. — Мы на полпути.

— Поворачивай! Откроемъ огонь — настаивали обреченные.

Баржу подбросило, пароходъ рвануло впередъ, троссъ съ трескомъ оборвался.

— Передать капитану, что оторвалась баржа! Нужно поймать! — кричитъ властный голосъ.

Но какъ ее поймать? Въ такой штормъ перегруженнымъ пароходомъ ловить какой-то плотъ. Но нужно спасти хотя-бы людей, а другого способа нѣтъ. Милостивъ Богъ и неисповѣдимы пути Его!

Пароходъ, улучивъ минуту, повернулъ обратно. Баржу быстро уносило. Наконецъ, съ большимъ трудомъ и опасностью она была поймана и взята снова на буксиръ. Ловкость рулевого и, судно, борясь съ разъяренною стихіей, опять направилось на сѣверъ.

Урагану не видно было конца. Прошли всего лишь полпути. На мостикѣ капитанъ самъ сталъ на вахту. Мысли его сосредоточены и глаза неустрашимо глядѣли впередъ и по сторонамъ: какъ-бы не прозѣвать. Лицо чуть замѣтно передергивало.

— Нѣтъ течи нигдѣ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ — былъ утвердительный отвѣтъ.

— Матеріалъ чтобы былъ подъ рукой! Смотри не зѣвать!

И снова глаза его были устремлены впередъ и только по временамъ взглядывали на компасъ. Вся команда поднялась на ноги почти съ полночи.

— Плавающихъ, путешествующихъ... — раздался голосъ сбоку.

— И сущихъ въ морѣ далече... — глухимъ но ровнымъ голосомъ говорилъ священникъ.

— Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы... — читалъ закоренѣлый дѣтина, въ послѣднюю минуту увѣровавшій въ Бога.

За рѣдкимъ исключеніемъ всѣ погрузились мысленно въ молитву. На лицахъ не видно страха. Они невольно подымаются къ небу. Каждый видитъ гнѣвъ Творца и спѣшитъ дать отчетъ въ прожитой жизни. Вспомнили близкихъ сердцу. Всякъ готовился къ смерти. Еще почти сутки

оставалось куда въ такую погоду, море мелкое, масса подводныхъ скалъ. Да и лодки красныхъ гдѣ-то сторожили.

Баржу снова оторвало. Ловить ее не рѣшались: предыдущая ловля показала, что такое предпріятіе слишкомъ рискованно и на благополучный исходъ нечего было надѣяться. Изъ-за нѣсколькихъ человѣкъ погибнутъ тысячи. Въ послѣдніе часы на баржѣ не видно было ни какихъ признаковъ жизни, по всей вѣроятности, всѣхъ закачало. Скоро она скрылась вовсе.

Вотъ и Баку.

Верстахъ въ трехъ-четырехъ отъ бухты суда становились на рейдъ. Ураганъ постепенно стихалъ. Вечерѣло.

— Идите въ бухту! — раздалось черезъ короткое сравнительно время съ катера.

— Слава Богу! Наконецъ-то кончилось — раздавались голоса.

Лица просвѣтлѣли. Слышны разговоры. Теперь не страшно ни что — ни штормъ, ни красные, какъ призракъ преслѣдовавшіе всѣ эти дни.

Военныя суда остались на мѣстѣ, а транспорта одинъ за другимъ гуськомъ, ловко маневрируя, пошли въ бухту.

Всѣ баржи остались въ морѣ. О судьбѣ ихъ ни кто ничего не зналъ.

— А слыхалъ? Когда мы, значитъ-то, изъ Петровска вздумали уѣзжать, все вели переговоры съ этой „обезьянней республикой". Не хотѣли принимать черти. Интернированіе-тоже за проволоку хотѣлъ засадить. Тоже союзники чтобъ имъ пусто было! Что имъ стоило-бы, чтобы мы, значитъ, высадились съ винтовками, пушками, такъ сказать, въ полномъ вооруженіи и обмундированіи?

— А нашъ генералъ! Тоже комаръ носа не подточитъ — знай себѣ на умѣ, не проведешь. Не захотѣлъ. Азербейджанцы — такъ тѣ испугались, что мы въ Персію уйдемъ и зовутъ къ себѣ. Тоже татарва не крещенная!

Завязался разговоръ среди солдатъ.

— Неправда! — прервалъ пожилой солдатъ-

съ русой бородой.— А вонъ, вишь, корабликито наши дымки пускаютъ — указалъ онъ рукой за островъ Нарченъ, гдѣ остались, чуть замѣтныя на горизонтѣ, военныя суда.— Какъ плюнутъ, такъ изъ твоего Баку — тьфу....— дунулъ онъ на ладонь, изображая этимъ тотъ случай, когда суда открыли-бы огонь по городу.— Видѣлъ, что съ Петровскомъ сталось? Вразъ все дымомъ покрылось. Ажъ страсть взяла.

— И мой слишать слыхалъ — заявилъ авторитетнымъ тономъ высокій стройный туземецъ — снималъ сказки аглычаномъ, что вотъ ви какой союзникъ! Мой и твоя — кунакъ и ми къ тибѣ пришелъ, а ти за проволока сажать давай. Нэтъ! Погоди! Туда самъ шайтанъ хады, а моя не хочетъ. Копчены рыба, солены арбузъ хорошъ, а ми товаръ другой! Пайдомъ къ татарамъ, а тамъ будемъ посмотрѣть.

— А тутъ-то что-же? — вмѣшался молодой господинъ въ пэнснэ.

— Что-жи? Уфъ! Савсѣмъ дуракъ! Ничаво не панимаешь! — горячился туземецъ.— Пріѣхалъ, поставилъ пушка, а самъ туда нашелъ — въ городъ. Вотъ и ми къ вамъ пришелъ. Хатышь принымай, а то и самъ найдешь на берегъ. Тамъ мало мѣста, а тутъ савсѣмъ многа.

— Ну и что-же? — допытывался господинъ.

— Уфъ! Что-жи да что-жи? Что денги давалъ? Ходи спрашивай тамъ — указалъ онъ рукою на городъ.

— Сичасъ переговоры, сказываютъ, идутъ — отвѣтилъ за туземца парень, съ чуть пробивающимися усами.— Вѣстимо, имъ даромъ ничего не задутъ. Пусть пускаютъ насъ такъ и мы тихо, мирно поѣдемъ въ Батумъ, а оттуда доберемся въ Крымъ.

— А гдѣ-же ваши подводныя лодки? — язвительно допрашивалъ все тотъ-же господинъ черкесску.

— Да шайтанъ тибѣ возьми! На что ми тибѣ нуженъ? Чтобъ тибѣ сухой чурекъ въ глотка повернулся. Шалтай-балтай туда сюда! Чиво хочешь?

— Бакинцы имъ не дали ни нефти, ни

угля — вмѣшался снова парень — и онъ поджидали насъ тутъ, а потомъ ушли въ море.
Послѣдній пароходъ бросилъ якорь. Военныя суда вдали пускали струйки дыма. Наступала ночь.

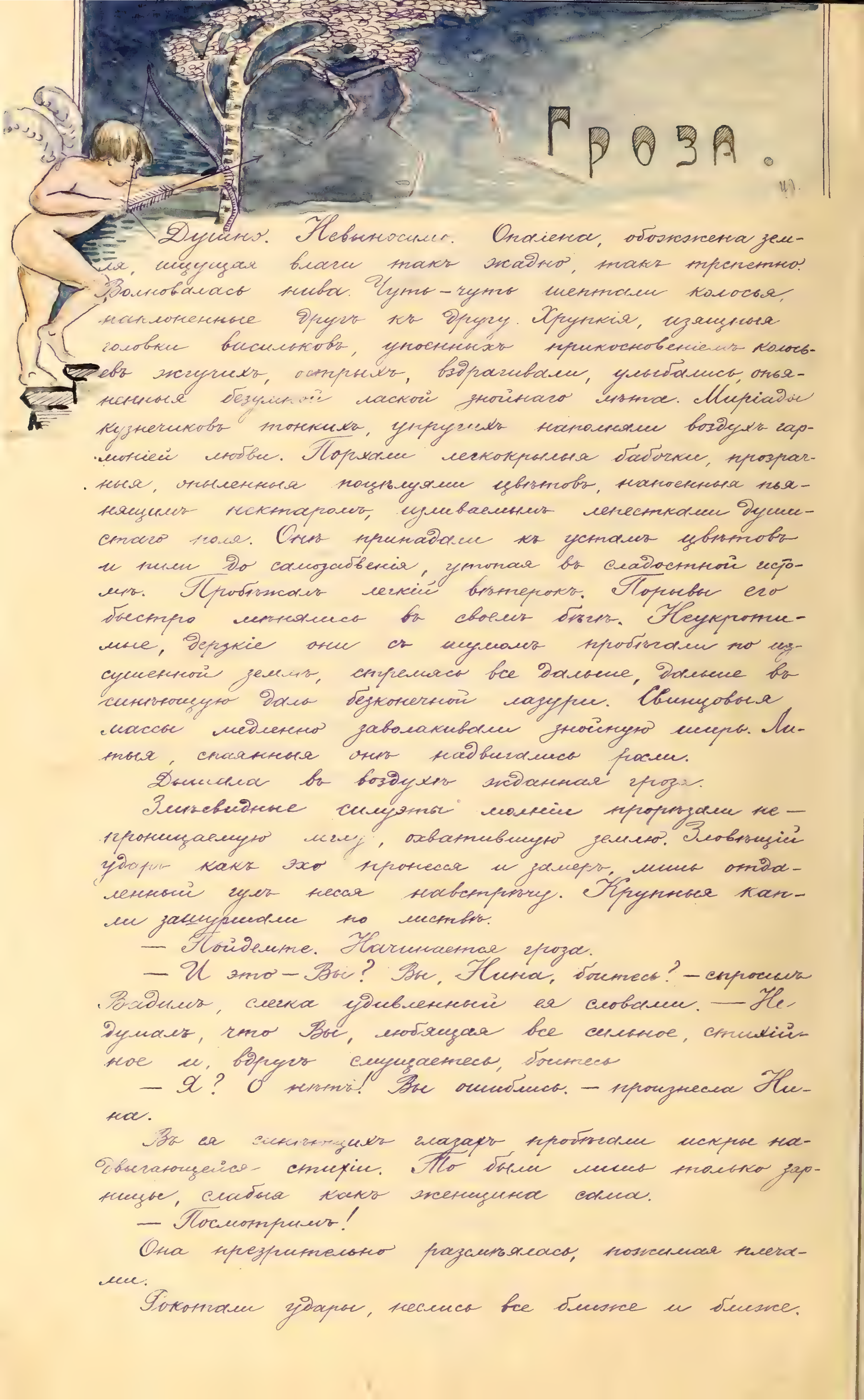
(Продолженіе слѣдуетъ)

Мокрый.

Дерзновеніе.

Богъ Всемогущій! Не съ мольбой
Я обращаю грѣшный взоръ, —
Тебѣ измученной душой
Шлю справедливый я укоръ.
Я ропщу на непосильный,
Безотрадный путь земной,
Я на Тебя ропщу, Всесильный,
Ты сталъ неправеднымъ судьей.
Ты съ раннихъ лѣтъ не далъ мнѣ счастья
И теперь, когда сильнѣй
Огонь въ груди и жажда словъ участья,
Я только рабъ среди людей.
Съ какой надеждой прибѣгалъ
Къ Тебѣ я, горе изливая.
Напрасный трудъ: Ты не внималъ,
Свою прославленную милость забывая.
Зачѣмъ нужны мои мученья?
Ужели хочешь, Ты, заставить
Забыть любви земной волненья
И одного Тебя лишь славить?
Нѣтъ! Готовъ я старость посвятить
Тебѣ, а теперь я не хочу
Раба жизнь жалкую влачить
И надъ Тобою хохочу!
Довольно! Уже успѣлъ я утомиться
Смотрѣть на счастіе другихъ,
Теперь я самъ хочу упиться
Изъ чаши жизни среди нихъ.
Готовъ любою я цѣною
За наслажденья заплатить,
Лишь только-бъ жаждущей душою
Не отрываясь ихъ пить, пить…
Творецъ! Хоть если каплю сожалѣнья
Еще имѣешь Ты ко мнѣ —
Не допусти до искушенья —
Душой продаться сатанѣ.

Изгой.

Гроза.

Душно. Невыносимо. Опалена, обожжена земля, ищущая влаги такъ жадно, такъ трепетно. Волновалась нива. Чуть-чуть шептали колосья, наклоненные другъ къ другу. Хрупкія, изящныя головки васильковъ, упоенныхъ прикосновеніемъ колосьевъ жгучихъ, острыхъ, вздрагивали, улыбались, опьяненныя безумной лаской знойнаго лѣта. Миріады кузнечиковъ тонкихъ, упругихъ наполняли воздухъ гармоніей любви. Порхали легкокрылыя бабочки, прозрачныя, опыленныя поцѣлуями цвѣтовъ, напоенныя пьянящимъ нектаромъ, изливаемымъ лепестками душистаго поля. Онѣ припадали къ устамъ цвѣтовъ и пили до самозабвенія, утопая въ сладостной истомѣ. Пробѣжалъ легкій вѣтерокъ. Порывы его быстро мѣнялись въ своемъ бѣгѣ. Неукротимые, дерзкіе они съ шумомъ пробѣгали по изсушенной землѣ, стремясь все дальше, дальше въ синѣющую даль безконечной лазури. Свинцовыя массы медленно заволакивали знойную ширь. Литыя, спаянныя онѣ надвигались рати.

Дышала въ воздухѣ жданная гроза.

Змѣевидные силуэты молніи прорѣзали непроницаемую мглу, охватившую землю. Зловѣщій ударъ какъ эхо пронесся и замеръ, лишь отдаленный гулъ неся навстрѣчу. Крупныя капли защуршали по листвѣ.

— Пойдемте. Начинается гроза.

— И это — Вы? Вы, Нина, боитесь? — спросилъ Вадимъ, слегка удивленный ея словами. — Не думалъ, что Вы, любящая все сильное, стихійное и, вдругъ смущаетесь, боитесь

— Я? О нѣтъ! Вы ошиблись. — произнесла Нина.

Въ ея синѣющихъ глазахъ пробѣгали искры надвигающейся стихіи. То были лишь только зарницы, слабыя какъ женщина сама.

— Посмотримъ!

Она презрительно разсмѣялась, пожимая плечами.

Рокотали удары, неслись все ближе и ближе.

Ихъ дикій безумный хохотъ потрясалъ все.

Сверкнула молнія. Могучій исполинъ зашатался, пронзенный соприкосновеніемъ ея. Расщепленный онъ застоналъ и съ шумомъ рухнулъ внизъ на окропленную землю. Трепетали листья, чувствуя увяданіе и близость смерти. Вѣтви какъ руки обнимали истомленную освѣженную землю. Онѣ жадно впитывали разлитую влагу. Надолго-ли? Увы!

Нина вздрогнула. Окропленные листья трепетали у ея ногъ. Рокотали удары.

— Не пойдемъ домой! Не надо... — шептала она, потрясенная, обезсиленная величіемъ природы. — Какъ жутко....

Онъ подхватилъ ее, слегка оглушенную послѣдними ударами грозы.

— Мнѣ нехорошо, Вадя! Нѣтъ... Ничего... Это пройдетъ...

Онъ чувствовалъ, какъ голосъ разрушенія стихійнаго размаха передавался ему. Кровь прилила къ его лицу. Оно пылало. Глаза лихорадочно искали жертвы. Вотъ она!

— Вадя! Что Вы такъ смотрите? Не надо...

Боязливая, безпомощная она чувствовала приближеніе насилія природы.

— Что? — глухо произнесъ онъ.

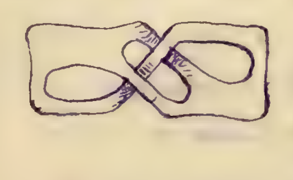
Оглушающіе, грохочущіе удары властно требовали желаннаго — да. И онъ рѣшилъ...

Мышцы, какъ оковы, сковали молодое тѣло. Крикъ души былъ заглушенъ потоками шумящей непогоды. Нить мысли оборвалась въ вакханаліи желающей природы.

Прошла гроза. Утихло все. Смѣялось солнце. Улыбались васильки. Шептали колосья другъ другу. Какъ легко! Какъ хорошо! Полна грудь освѣжающей природы, обновленной дыханіемъ грозы.

Гроза прошла.

Сирота.

Квартетъ.

Отъ весеннихъ теплыхъ дней
Русскимъ жить не слаще:
Кровь волнуется сильнѣй,
Сердце бьется чаще.

Захотѣлось тайной встрѣчи,
Робкаго признанья,
Захотѣлось слышать рѣчи
Милаго созданья.

Но вотъ тутъ-то и несчастье:
Русскихъ женщинъ мало,
Иностранки-жъ въ насъ участье
Принимаютъ вяло.

И идетъ борьба глухая
Изъ-за всякой рожи:
Каждый, первымъ быть желая,
Лѣзетъ вонъ изъ кожи.

Даже наши инвалиды
(Чѣмъ другихъ мы хуже?)
Всѣ имѣютъ они виды
На одну и ту-же.

Ходятъ къ ней поодиночкѣ
Днемъ надоѣдая,
А дождавшись темной ночки,
Смотришь, прётъ ихъ стая.

Соберутся вокругъ ней
И давай ругаться —
Каждый хочетъ поскорѣй
tête-a-tête остаться.

И всегда до слезъ смѣется
Милая плутовка,
Глядя стая какъ грызется
Изъ-за ней неловко.

Такъ навѣрное-бы длился
Долго споръ тотъ странный,
Если-бъ вдругъ не появился
Новый типъ, нежданный.

Нѣтъ вѣрнѣе онъ быль жданный,
Но только не стаей,
Онъ для дѣвы быль желанный —
Умѣлъ угождать ей.

Сразу какъ-то пріуныли
Инвалиды наши:
Вѣдь калѣки они были,
Новый былъ всѣхъ краше.

Не хотѣлъ лишь самый умный
Судьбѣ подчиниться
И любви, гордецъ безумный,
Поклялся добиться.

Чтобы сердце покорить
Милой дульцинеи,
Онъ рѣшаетъ подарить
Ей вещь поцѣннѣе.

Подарить.... Легко сказать,
А попробуй взяться —
Ни черта здѣсь не достать
Можно въ томъ поклясться.

И сидитъ онъ надъ рѣкой
Думаетъ, гадаетъ,
А на берегъ той порой,
Что-то выползаетъ.

Онъ взглянулъ и обомлѣлъ,
Даже стало жарко:
Самъ-бы царь не захотѣлъ
Лучшаго подарка.

Вотъ обрадую теперь
Я свою канашку,
Думалъ онъ, какъ хищный звѣрь,
Ловя черепашку.

Я увѣренъ, что она
Вмигъ теперь растаетъ
И меня, любви полна,
Къ себѣ приласкаетъ.

Отъ желанія сгорая,
Весь въ болотной тинѣ,
Хвостъ у гада очищая,
Онъ спѣшитъ къ богинѣ.

Какъ подарокъ поднесенъ
Свѣтъ о томъ не знаетъ,
Только встрѣчи что-то онъ
Съ дѣвой избѣгаетъ.

Изгой.

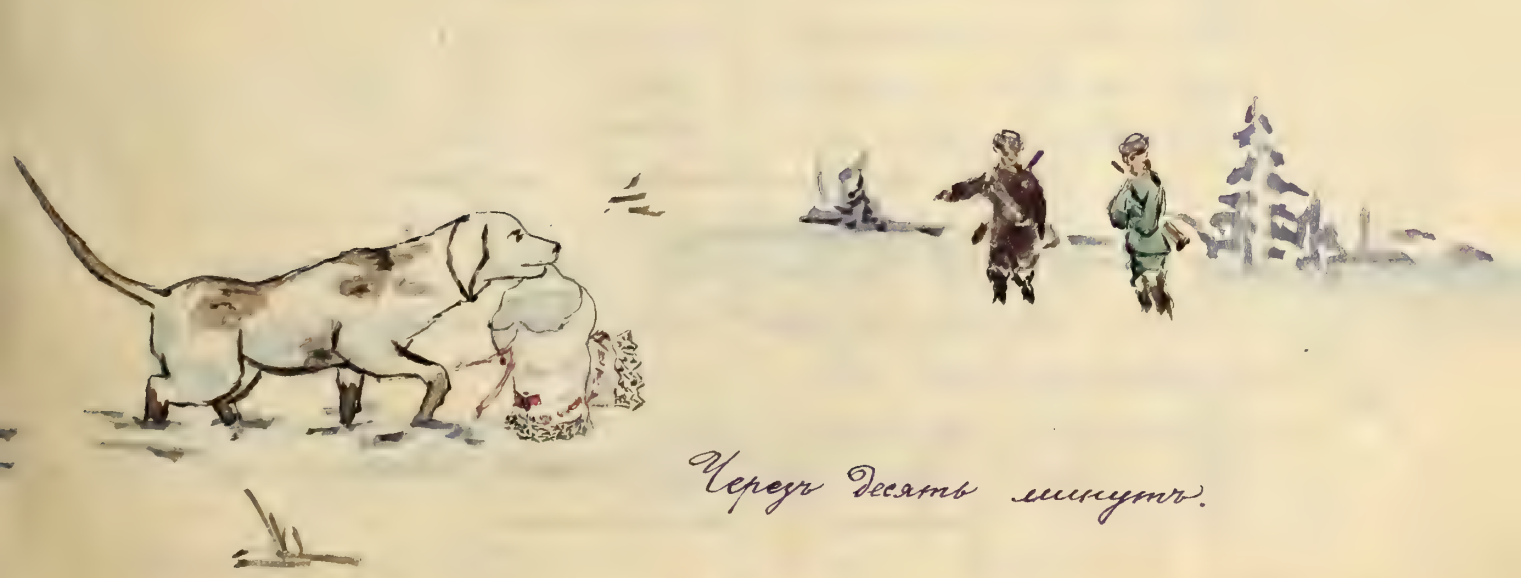

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! А жена думала, что ты уже не пріѣдешь. Ну, завтра-же, безъ всякихъ отговорокъ, на зайцевъ.

— Холодно? Забылъ перчатки? Ерунда, мой другъ. Дай только понюхать руки Трезору и, черезъ десять минутъ онъ будутъ. Замѣчательно умная собака.

Черезъ десять минутъ.

„Тридцать съ лишнимъ."

„Подъ луной ничто не вѣчно"
Поговорка такъ гласитъ,
Не собирался безконечно
Существовать и „Инвалидъ".
Все-жъ мечталъ до лѣтъ преклонныхъ
Выполнять свой долгъ святой:
Утѣшать всѣхъ угнетенныхъ,
Злыхъ высмѣивать порой.
Если-жъ будетъ невозможно
Отъ цензуры дальше жить,
То тогда ужъ жизни можно
Самому себя лишить.
Но захирѣть, едва успѣвъ
Лишь только выйти изъ пеленокъ,
Какой-бы ни былъ Божій гнѣвъ,
Не думалъ вовсе нашъ ребенокъ.
Кто-же виновенъ въ этомъ дѣлѣ?
Ужели няньки какъ всегда?
Ужель онѣ не досмотрѣли,
Всѣ тридцать съ лишнимъ, господа?
Увы, нѣтъ! Взялись за дѣло
Горячо было сначала —
Дитя какъ-будто не болѣло,
По ночамъ зря не кричало.
Но такъ не долго продолжалось —
„Устали" няньки отъ „заботъ".
Дитя безъ помощи осталось
И вотъ стоитъ смерть у воротъ.
Молили ихъ „кто что умѣетъ"
На помощь мальчику прислать;
Тѣ отвѣчали: „Пусть болѣетъ,
Пора ему и умирать."
Но Богу слава и хвала —
Не всѣ наносятъ намъ обиду:
Отъ сердца чистаго дала
Малютка помощь „Инвалиду".
И вновь надеждой засіяли
Глаза у бѣднаго больного.
Пусть только-бъ дѣти помогали
И то-бъ онъ выздоровѣлъ снова.
Стыдитесь-же всѣ тридцать съ лишнимъ,
Примѣръ берите вы съ дѣтей,
И чтобъ журналъ увидѣть пышнымъ,
Давайте помощь поскорѣй.

Изгой, Лѣший.

— — —

Дѣтская помощь „Инвалиду".

Писать стихи въ журналъ нетрудно,
Но написать ихъ нужно умно,
Чтобъ могъ ихъ всякъ прочесть
И мудрость всю учесть.
Мои-же знанья слишкомъ слабы
И не достаточно тверды,
Чтобъ конкурировать въ журналѣ
Съ довольно сильными людьми.

Таня.

Редакція: Инииціативная группа инвалидовъ.

Почтовый ящикъ

Отвѣтъ на запросы.

Олимпійцу. Вѣкъ живи, вѣкъ учись — говоритъ пословица. Только предупреждаемъ Васъ когда будете влѣзать на паровозъ не забудьте другую сторону его укрѣпить, въ противномъ случаѣ онъ можетъ опрокинуться и придавить Васъ.

Отцу діакону. Имѣются вакантныя мѣста въ православной католической церкви въ Абиссиніи. Условія: нужно обязательно жениться на мѣстной аборигенкѣ — чернокожей. Но не смущайтесь: благодаря новѣйшему изобрѣтенію нѣгія дѣти легко могутъ принять цвѣтъ своего папаши. Подробныя свѣдѣнія можете получить въ Придворной Абиссинской Консисторіи Негуса Менелика 16го или его представителя въ И. Д.

Режиссеру. Ввиду предстоящихъ Вашихъ гастролей въ шантанахъ г. Праги совѣтуемъ познакомиться съ Галлиполійской примабалериной г-жой К....., пользующейся колоссальнымъ успѣхомъ и любовью среди населенія Галлиполійскаго полуострова.

Оригиналу. Поменьше словъ — побольше дѣла. Вы проговорили Стамбулъ, а счастье было такъ близко, такъ возможно! До чего-же Вы теперь договоритесь ???

ОБЪЯВЛЕНІЯ

На 1ое Апрѣля назначаются **ТОРГИ** на сдачу въ чистку заросшаго грязью взрослаго человѣка. Условія представить не позже 12 часовъ 31го Марта обязательно въ запечатанныхъ конвертахъ.
Вода для чистки не должна браться изъ рѣки, протекающей возлѣ Инв. Д., т.к. она не отмываетъ.

Курсы садоводства Мафусаилъ и Ко.
Примѣненіе Орловскихъ методовъ окапыванія деревьевъ.
Практическія работы производятся въ турецкихъ садахъ.
Занятія - отъ восхода до захода солнца.
Практикантовъ просятъ не вступать въ пререканія съ владѣльцами садовъ.
Адр.: Галлиполи, домъ безъ N, улица безъ названія.

СРОЧНО требуется артель **ПИЛЬЩИКОВЪ** уничтожить неожиданно выросшія не на мѣстѣ развѣсистые рога.
Интендантство.

Опытный канцеляристъ за незначительное вознагражденіе предлагаетъ свои услуги по воздѣлыванію виноградниковъ.
Базарная площадь, слѣва №2.

НА ВСѢ ЛАДЫ учу высвистывать ..... мозги.
Результаты поразительные - убѣдился на себѣ.
Адр. Голландско-Испанское посольство.

ВРАЧЪ безъ практики, имѣющій полный Галлиполійскій заскокъ ввиду скораго отъѣзда въ Абиссинію принимаетъ больныхъ и вечеромъ отъ 5 до 8 ч.
Нищихъ проситъ являться только по утрамъ.
адр: Уголокъ душевно-больныхъ.

ЗНАТНЫЙ иностранецъ, получившій портфель министра Весьмастранныхъ дѣлъ въ своемъ отечествѣ, ввиду отъѣзда приглашаетъ своихъ бывшихъ друзей на прощальный завтракъ. Завтракъ за счетъ друзей, у могилы „Шамута".

!!! АНОНСЪ !!!
Звѣринецъ Инжиръ-Паши.
Къ предстоящему празднику Пасхи ожидается новая партія отборныхъ звѣрей вмѣсто отправляемыхъ въ Константинополь для дрессировки.
Нѣсколько экземпляровъ, заслужившихъ одобреніе отъ спеціально прибывшихъ въ Галлиполи старыхъ русскихъ дрессировщиковъ, покажутъ небывалые №№, послѣ чего будутъ перевезены на гастроли въ г. Прагу.

Сбѣжала шавка, кличка „Малявка". Примѣты: на спинѣ бѣлое.... пятнышко, передняя правая лапка подбита.
Поймавшаго убѣдительно просятъ не возвращать.